

Гостиная

Вверх по лестнице в вечность

Общая тема - 1998 - 17-28 сент. - с 16

Открывая вечер, посвященный памяти композитора Альфреда Шнитке (1934-1998) в сороковины со дня его смерти, главный редактор «Общей газеты» Егор Яковлев сказал: «Наверное, я могу судить о величии композитора по рассказам и оценкам людей, которые больше меня понимают в музыке. Но я уверен, что могу судить о человеке, который всегда был верен своим убеждениям и, несмотря ни на какую травлю, ни на какие гадости, творившиеся вокруг него, оставался верен самому себе. Для меня именно это бесконечно важно».

Гения среди его современников узнать легко: ему все идет на пользу. И жизнь, и смерть, и успех, и нападки, и здоровье, и болезнь, и признание, и безвестность. Он выигрывает от всего. Собранные в нашей «Московской гостиной» говорили о «загадке Шнитке» — его творческого пути и самой его жизни, которую нам теперь предстоит разгадывать.

Иногда кажется, что вся его жизнь была преодолением несовместимого. Мальчик военного времени — наполовину немец, наполовину еврей. Что это такое, можно было узнать в любом дворе. Великий композитор, выросший в совершенно немусыкальной семье и начавший заниматься музыкой, о которой всегда мечтал, лишь в 12-13 лет. Случай, видимо, уникальный, если учесть, что музыкальный слух, как говорят ученые, формируется лишь до пяти лет. Выпускник консерватории, пишущий авангардную, непривычную для слуха музыку, который приходит в кино и работает там едва ли не двадцать лет. «Из кино не возвращаются», — говорят ему коллеги. Им написано около ста часов музыки к шестидесяти фильмам, «несчетное количество вальсов, маршей, пейзажей». Лишь два месяца в году у него остается для серьезной работы для себя — «в стол». Он и тут обретает выход — в своей невероятной полистилистике, в сочетании неслучайного, в мастерском соединении всех возможных музыкальных стилей. Союз композиторов его третирует, не разрешает исполнять музыку. Но тем скорее о нем узнает фрондирующая молодежь, заранее любя, вслушиваясь, пытаясь разгадать необычный его язык. Приходят все большая слава, мировое признание, возможность выездов за границу, и тут — инсульт: один, другой, третий. Тяжелая болезнь, в ходе которой он теряет движение, речь, но совершенно неподдающимся образом обретает новые возможности сочинения музыки, поистине уже соприкасающейся с вечностью.

Борис ПОКРОВСКИЙ:

— Когда мне предложили сказать несколько слов, я смутился, потому что встречался с Альфредом не так часто, не так долго, и у меня самые большие впечатления от того, как мы с ним молчали. Очень мало на свете есть людей, с которыми можно молчать. А с ним было удивительное ощущение звучащей, как бы материальной, существующей тишины, которая, по существу, является духовным разговором, общением душ человеческих.

Сегодня, я полагаю, мы находимся, как это ни покажется вам парадоксальным, при огромном торжестве. Торжество заключается в том, что именно с сегодняшнего дня мы соединяемся с душой явления, которое называется «Альфред Шнитке». Это уже не имя и фамилия, а явление. И я пришел сюда, чтобы полагать судьбу, которая столкнула меня с этим явлением, утвердив во мне заложенные принципы традиционного или даже консервативного искусства. Я не могу не вспомнить своего первого знакомства с композитором Шнитке. Он пришел ко мне

со своим товарищем, написавшим либретто его оперы, чтобы попросить поставить ее в Амстердаме. А накануне я разговаривал по поводу композитора Шнитке со своим сыном, который в это время учился в консерватории. И сын мне рассказал столько восхитительного об этом великом композиторе, которого называл авангардистом, что я понял: мне

кальписис». Когда я предложил ему эту идею, которой в первоначальном замысле Ромма не было, Альфред ответил, что у него «Апокалипсис» уже написан. Он звучал в его Первой симфонии, исполнение которой в Горьком в 1974 году вызвало сильнейший скандал. «Я держал в одной руке «Откровение Иоанна Богослова», а другой рукой со-

ру, и тогда все это покрывал всплеск вальса. Я спросил Альфреда, как пришла ему эта идея? Он рассказал, что он очень любил свою маму, а когда она умерла, он поехал хоронить ее на Немецкое кладбище. Шел дождь, и люди стояли под каким-то укрытием и ждали, когда он кончится. Подъезжали автобусы, каждый со своим оркестром, их собралось уже довольно много, и, когда дождь наконец кончился, они сразу все пошли и заиграли каждый свое. Это было невероятно. Какое-то жуткое жизненное совпадение с изначально присутствующим Альфреду объемным музыкальным мышлением. Мы часто творим в искусстве плоско, по поверхности. У Альфреда Гарриевича же был мозг, соединявший его со всем космосом, со всей великой культурой человечества. И при этом невероятная фантазия, ирония, юмор, иногда «черный».

Андрей СМЕРНОВ:

— Чем ближе каждый из нас подходил к Альфреду, тем серьезнее становилась проблема — разгадать его послание лично к нему. Я слышу правильные сло-

Устроители вечера выражают благодарность художнику Франциско ИНФАНТЕ, чья графика украсила стены «Гостиной», фирме «Русский букет» и ее генеральному директору Игорю БУЛАВИНОВУ, заводу «Кристалл» в лице заместителя директора Сергея НИКУЛЬЦЕВА. Особая благодарность Ирине Федоровне ШНИТКЕ, без помощи, поддержки и участия которой в вечере он бы не состоялся.

Борис Покровский

надо отказаться от постановки. И еще больше утвердился в этой мысли, когда встретился с ним. Оказалось, он и не подозревает о том, что он великий, это только все вокруг знают. А потом я очень обрадовался, когда узнал, что он никакой не авангардист и новатор, а самый обыкновенный классик. Он — классик, который нужен нам сегодня, будет нужен завтра и будет нужен вчера. И вот уже это «вчера» наступило для Альфреда.

Я счастлив быть здесь сегодня, мне радостно, потому что Альфред остался с нами жить, и это уже доказано. Скрипки могут стонать, их могут украсть, но не украдут эту музыку, не украдут эту душу. Он думал своей музыкой то же, что думали мы. А если мы думаем другое, то давайте постараемся как можно скорее перестроиться на музыку Шнитке. Пора уже: наступает другой век.

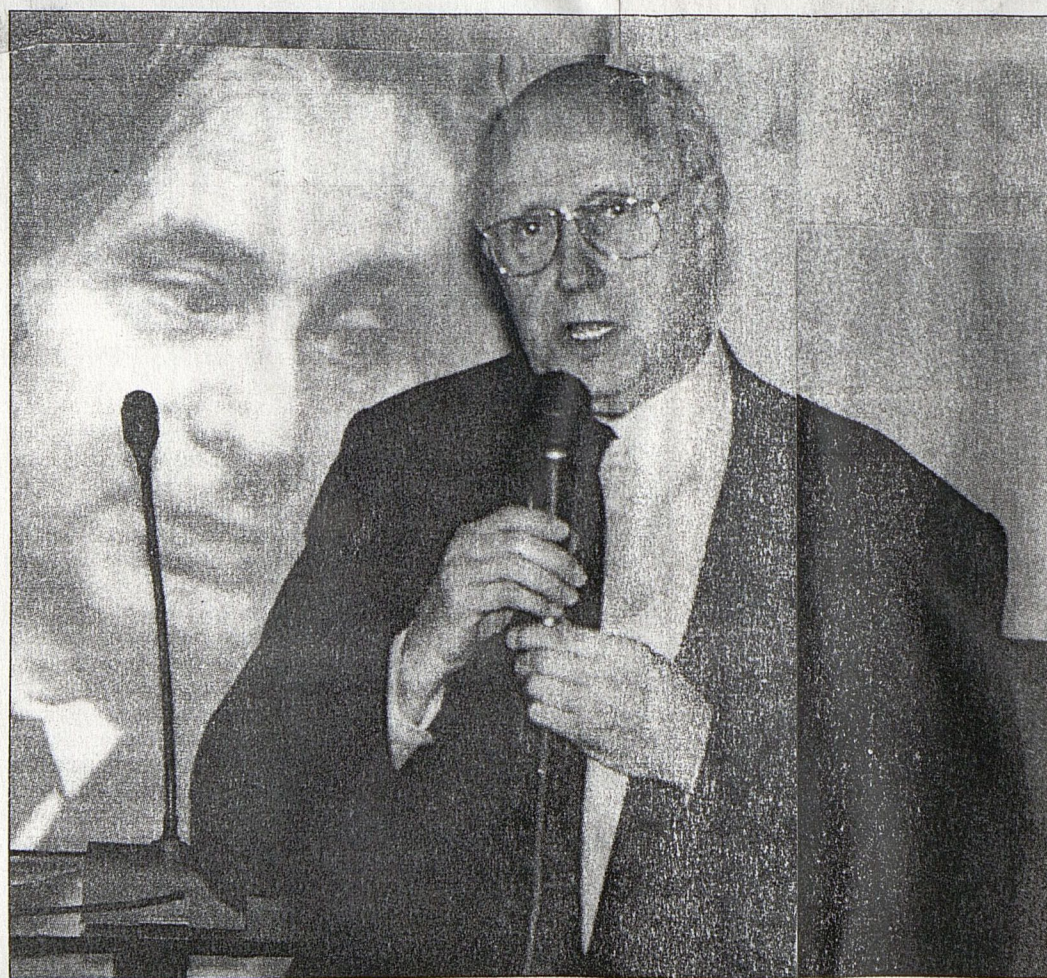
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ:

— Последний раз я его видел, когда он получал премию «Триумф». Альфред Гарриевич был уже болен и без помощи не мог подняться на эстраду, где вручали премию. Его поддерживали, и вдруг случилось чудо. Весь зал как бы пронизало электричество радости от того, что его видят, желая помочь, и он — пошел совершенно без поддержки. Так же, наверное, он идет и сейчас — без поддержки.

Есть жестокая и точная фраза: «гений умирает вовремя». Он не только умирает, выбирая, но и выбирает место и время своего погребения. Альфред Гарриевич выбрал себе могилу на Новодевичьем после страшного урагана, случившегося, как какое-то предзнаменование, над Москвой. Новодевичье было эпицентром, с церквей сорвались кресты, все могилы были перевернуты, творилось что-то жуткое. Все говорили: «Будет повторение урагана». Но повторения не было, может, потому, что он там лежал. Но смотрите, что теперь творится со страной. Ею потеряна гармония. Может, он поможет нам, как помог предотвратить повторение урагана? Будем ждать.

Элем КЛИМОВ:

— Для фильма Михаила Ромма «И все-таки я верю» Шнитке писал музыку, в частности «Апо-

Мстислав Ростропович

чинил эту музыку», — сказал он. «А как послушать?» — «Это невозможно послушать. Записи нет. На роле я это сыграть не могу, слишком сложно. Единственный выход — получить десятиминутной записи увеличенный состав оркестра. И что бы обязательно был дирижер из Таллина Эри Клас. Во-первых, потому, что необходим именно такой безумец, который решится это исполнить. А во-вторых, он когда-то занимался боксом и сможет заставить играть оркестр Госкино». Короче, все так и произошло. Запись шла десять минут, но музыканты писали по минуте и останавливались, потому что большее время они не могли выдержать, настолько сложна была эта музыка. Начался «Апокалипсис» со звучания разных похоронных маршей, накладывавшихся один на другой, постепенно все это превращалось в полную абракада-

ва о его поразительной мягкости, скромности, дивной улыбке, но вот его уже нет среди нас, и в нем самом, и в его музыке поражает другое — мощь, сила, удивительная последовательность его композиторского пути. Такое ощущение, что этот человек знал, какую вещь он несет в мир. И даже в музыкальном отношении перед ним слов не было вопроса: какими средствами, как реализовать? Это даже трудно назвать словом «мастерство», хотя вспомним, с какой легкостью Альфред писал киномузыку, работая с совершенно разными режиссерами и моментально схватывая то, что от него требовалось. Кино его кормило, и я помню, как горько он мне сказал в 67-м году: «Профессия — это кино, музыка — это хобби». Но он делал эту работу, поражающую свободой и мастерством. При всей своей мягкости он жестоко доби-

Струнная часть оркестра «Kremlin» под руководством Миши Рахлевого (США)

Элем Климов

мню, как показывал ему снятый фильм, для которого он уже написал музыку. Свет зажегся, и Альфред таким же, как обычно, мягким голосом, но без улыбки и очень грустно спросил: «Андрей, что случилось?» Эта его оценка была одним из самых трагических моментов моей профессиональной карьеры. Нам важно понять, что же сказал нам Альфред. Ощущение разрушения мира, гибели музыки, возникающего хаоса, который надвигается на человека, которое я слышу в любом его сочинении, — и тут же чистый одинокий голос, пытающийся со всем этим справиться, преодолеть, остаться свободным.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

— Я не буду говорить о своем отношении к творчеству дорогого моего друга. Скажу лишь о некоторых вещах, пришедших ко мне с возрастом. Вся магия музыки открылась для меня после смерти моих друзей, тех немногих композиторов, которых я любил и боготворил. Когда великий композитор умирает, сами звуки его музыкального произведения наполняются его духом. И — мне даже страшно говорить об этом — его сочинения становятся продолжением его земной жизни. В них хранится облик этого человека, его дух, все, чем он жил и что хотел нам передать. Бетховен ушел, Моцарт ушел, Шостако-

жити! Что бы я ни делал, я действительно думаю: это шаг вниз или шаг вверх? Почему я сказал, что эта история не обо мне? Потому что я хочу сказать, что наш дорогой, любимый Альфред Гарриевич не сделал по этой лестнице ни одного шага вниз. Ему так и удалось дойти до Господа Бога по прямой.

И последнее, что я хочу сказать. Знаете, бывает так, что играешь какое-то сочинение, которое кажется тебе очень сложным. Потом через несколько лет вдруг берешь его, думая о том, какое же оно сложное, а оно оказывается совсем другим — намного ближе тебе, хотя ты его и не играл все это время. Я думаю,

Юные музыканты колледжа Московского музыкального ин-та им. Шнитке

Альфред за эту свободу заплатил ранним своим концом, никогда не жалуюсь, что музыку его не играют. Помню, как он с улыбкой рассказывал о доносе в «Правду» Юрийтиса, который может быть каким угодно музыкантом, но так и уйдет на тот свет с этой канючьей печатью. Альфред рассказывал о том, как ему приходится тяжело, всегда с улыбкой, никогда не жалуюсь, с какой снисходительностью к тем, кто укорачивал ему жизнь. Эта черта необыкновенной внутренней силы всегда поражала меня в нем. Он раньше всех нас вышел на свободу, заплатив за нее своей ранней смертью. Но создавалось впечатление, что это знание о путях обретения свободы человеком, вынужденным жить в античеловеческом,

вич ушел — их сочинения наполнились ими самими. И когда я играю сочинения этих великих людей, сделавших жизнь мою прекрасной, я чувствую, что композитор весь там — в своей музыке, и диктует мне оттуда, как я должен ее играть.

Вы простите, что я расскажу маленький эпизод из моей жизни, сыгравший в ней огромную роль. Это имеет прямое отношение к Альфреду. Когда мы были изгнаны из нашей страны, мы не знали, когда вернемся в нее и вернемся ли вообще, надо было с нуля создавать новую жизнь. В общем, тысяча проблем. Первый мой дирижерский концерт был в Италии. Мы жили в простой дешевой гостинице, вдруг к нам приезжает мотоциклист с большим конвертом, в котором было приглашение для нас с Галей к Папе Римскому Павлу VI. Для нас этот визит был очень важен. Папа замечательно с нами говорил, знал о нашей семье, дав Гале крест, сказал, что благословляет не только ее, но и наших двух дочерей, а мне, когда я уже собрался уходить, вдруг сказал: «А у вас в жизни осталась всего одна проблема». А у меня голова пухла от проблем, и я его спросил: «Ваше Святейшество, если только одна проблема, то, может быть, вы мне скажете, какая именно?» И он мне сказал: «Вы знаете, есть огромная лестница между небом и землей, между Богом и человеком. Вы уже стоите не в начале этой лестницы, а где-то около середины. И в вашей жизни осталась только одна проблема: чтобы вы ни делали, какой бы поступок ни совершали, подумайте — это шаг вниз по этой лестнице или шаг вверх?»

Если бы вы знали, как мне сразу после этого стало легко

что это — удел гениев, сочиняющих музыку. Та музыка, которую сочинил и оставил нам в наследие Альфред Гарриевич, вне зависимости от того, играем мы ее или не играем, — это музыка, до которой во времени мы будем дозревать. Спасибо ему, что он подарил нам такую жизнь.

С воспоминаниями об Альфреде Шнитке выступали художник Борис ЖУТОВСКИЙ, кинорежиссер Марлен ХУЦИЕВ, публицист Юрий КАРЯКИН. Все это не могло не перемежаться сочинениями самого композитора. По словам ведущего этого вечера Александра МИТ-ТБИ: «Вечер воспоминаний превратился в замечательный концерт».

Свои музыкальные приношения памяти композитора сделали юные музыканты колледжа Московского государственного института им. Шнитке, исполнив переложение «Сюиты в старинном стиле», ансамбль «Кремлин» под руководством Миши РАХЛЕВОВА (США), Наталья ГУТМАН и Алексей ЛЮБИМОВ исполнили Сонату для виолончели и фортепиано, а Татьяна ГРИНДЕНКО и Юрий ЛИСИЧЕНКО — Квизи-уна-сонату.

Нужно представить себе этот маленький зал, совершенно непригодный для звезд мирового класса, игравших буквально в метре от зрителей, а присутствие среди последних Мстислава Ростроповича и Бориса Покровского задавало происходящему совершенно уникальный масштаб и в то же время удивительную интимность.

Полосу подготовил
Игорь ШЕВЕЛЕВ
Фото Сергея ЗОНИЧЕВА,
Юрия ПАРШИНЦЕВА

Андрей Вознесенский

вался от музыкантов и оркестров нужного ему звучания, хотя, кажется, никогда не добивался полного соответствия тому, что слышал в себе сам. Я по-

антитворческим, абсолютно распахнувшись и морально, и художественно мире, — это знание было даровано ему изначально, с самым приходом в этот мир.